

СЛОВА МАЕ ЮБІЛЯР

УДК 811.161.1'373.231+ 811.581'373.231

И. Э. РАТНИКОВА

АНТРОПОНИМИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА В ОНОМАСИОЛОГИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Резюме. Рассмотрены принципиальные различия антропонимических систем русского и китайского языков (наличие специальных формальных маркеров и особенностей словоизменения и словообразования vs отсутствие формальных отличий от appellatives; теоцентрическая обусловленность русского именника начиная с X в. vs непрерывность традиции свободного антропонимического конструирования в китайском языке). Выделены группы русских и китайских имен, объединенных общими номинативными стратегиями (дезидеративные, апотропеические и меморативные). Обнаружены сходства внутренней формы русских дохристианских имен и современных и древних китайских имен (мотивация обозначениями положительных и отрицательных характеристик, названиями животных, растений, феноменов природы). Показаны параллели между христианскими и буддийскими именами-заимствованиями, а также между русскими и китайскими именами XX в., отражающими идеологические ценности.

Ключевые слова: антропонимическая система; антропоним; личное имя; внутренняя форма имени; этимологическое значение имени; харизматическая и ритуальная функции имени; дезидеративные и апотропеические имена; дохристианские и христианские имена; буддийские имена; имена-меморативы.

Abstract. Principal differences between Russian and Chinese antroponymic systems have been considered (presence of special formal markers and specific word change and formation patterns vs the lack of formal difference from appellatives; theocentric determination of Russian names starting from X century vs continuity of free antroponym construction tradition in Chinese). Russian and Chinese personal names with similar nominating strategies (desiderative, apotropaic and memorative) have been outlined. Similarities of inner form of pre-Christian Russian as well as modern and ancient Chinese personal names have been revealed (motivation by positive or negative characteristics, names of animals, plants, natural phenomena). Parallels have been drawn between the borrowed Christian and Buddhist personal names as well as XX century Russian and Chinese personal names reflecting ideological values.

Key words: antroponymic system; antroponym; personal name; inner form of a name; etymological meaning of the name; charismatic and ritual functions of personal name; desiderative and apotropaic names; pre-Christian and Christian personal names; Buddhist personal names; memorative personal names.

Сопоставительные исследования русского и китайского языков относительно недавно вошли в число актуальных вопросов белорусской лингвистики и в свете активно развивающегося белорусско-китайского культурного и научного сотрудничества представляются весьма перспективными. В качестве объектов изучения выступают преимущественно единицы лексико-фразеологических систем, что вполне естественно, поскольку именно в этой области наиболее явственны возможности выбора общих категорий для сопоставления языков, относящихся к разным языковым семьям (эта ситуация в целом характерна и для российского научного пространства). Соответственно научный контекст данной публикации составляют работы, где предметом сравнения являются мотивы номинации в рамках той или иной ЛСГ, терминов и имен собственных, а также структура концептов, функционирование этикетных формул и под.*

Со времен античности доминантой логико-философских дискуссий был вопрос о том, как происходит номинация вещей («по природе» или «по установлению»), – вопрос о том, как происходит номинация личности, вероятно, приемлет оба ответа, поскольку акт имянаречения совмещает стремление выразить сущность нарекаемого и следование регламенту. Обращаясь к имянаречению как сфере номинативной деятельности человека, связанной с индивидуализацией и идентификацией другого человека, мы имеем возможность особенно отчетливо увидеть его ценности, страхи и приоритеты.

* Обзор некоторых работ по сопоставительному изучению русского и китайского языков, выполненных в Беларуси, приведен в работе И. Э. Ратниковой (см. Ратникова 2011).

В данной публикации остановимся на двух типах личных имен, тематически многообразных, но объединенных общностью номинативной стратегии. Предмет рассмотрения – реализуемые в них харизматическая и ритуальная функции имен, общие для многих языков и признанные в теории имени собственного ономастическими универсалиями (см. Суперанская 1972; Подольская 1988; Денисова 2003). Пользуясь термином «значение» как исходной единицей ономастического анализа применительно к антропонимам, мы будем иметь в виду их этимологическое значение.

Приступая к рассмотрению русских и китайских личных имен (как современных, так и древних), необходимо учитывать как минимум два принципиальных различия данных антропонимических систем.

Первое обусловлено дифференциацией имен в зависимости от характера соотношения ономастики с общеязыковой системой. С этих позиций Т. В. Топорова, опираясь на суждения Е. Куриловича, так формулирует признаки трех групп онимов: 1) имена, которые формально «тождественны апеллятивам, т. е. их грамматические и словообразовательные категории совпадают»; 2) имена, в которых проявляется «гипертрофированное развитие ономастики» в рамках языковой системы, т. е. они «монополизируют» для своего производства «ограниченный набор грамматических средств, непродуктивных для апеллятивов»; 3) имена, которые «порывают с общеязыковой системой, вступают в противоречие с ней» (примерами могут служить особенности употребления определенного артикля при нарицательных и собственных именах во французском языке, различное склонение омонимичных собственных и нарицательных имен в арабском и т. п.) (см. Топорова 1996, 5–6). Очевидно, что русские антропонимы как единицы флективного языка, проявляющие свой особый статус в грамматических признаках (формальные маркеры, особенности валентности, склонения, словообразования), принадлежат к последней группе, а китайские имена как единицы изолирующего языка с идеографической письменностью – к первой. Справедливый тезис о том, что «изолирующий строй языка стирает формальные различия между именем собственным и именем нарицательным», аргументируется в литературе, в частности, следующим образом: антропоним 白雪 'белый снег' (Бай Сюэ) и сочетание апеллятивов 白雪 'белый снег' идентичны по внешней и внутренней форме, поскольку идеографическое письмо визуализирует содержание понятия непосредственно, а следовательно, «сигнификативное значение знаков, входящих в состав антропонима, не утрачивается» (Хамаева 2011, 61). Вряд ли следует абсолютизировать положение об идентичности внутренней формы (семантическая двуплановость так же свойственна китайскому языку, как и русскому), – существенна здесь скорее ее прозрачность, присущая подавляющему большинству китайских личных имен. Как видим, различие имен влечет за собой и различие традиций, сложившихся в русистике (и в целом в европейском языкознании) и китаистике по отношению к семантическим преобразованиям апеллятива при его переходе в разряд онимов (имена – это этикетки vs имена – полнозначные единицы во вторичной функции). Так, в русистике общепризнанной является редукция понятийного содержания имени собственного: значение идентифицирующих имен есть «рикошет от их референции», референтное значение вытесняет сигнификативное, поскольку «определенная референция стремится погасить смысл» (Арутюнова 1999, 25). Этот подход лежит в основе описания и других антропонимических систем, например монгольских, тюркских языков (см. Денисова 2003; Раемужина 2006).

Второе различие обусловлено характером антропонимической системы, связанным с доминированием того или иного типа мышления, в рамках которого осуществляется номинация (имеются в виду различия мифологического, религиозного и рационального типов мышления, задающих соответствующие подходы к имяназванию). Здесь мы имеем дело с существенным расхождением западной и восточной культур: то, что относится к области диахронии в западной ономастике (использование апеллятива для наречения лица как проявление мифологического типа мышления о мире), соответствует современному положению вещей в восточной ономастике. Как известно, в китайском языке (как и в корейском, и в японском) антропонимикон не носит характер исчисляемого списка имен с утраченной или стертой внутренней формой – имена выбираются (точнее, конструируются) из апеллятивного фонда с учетом ассоциативного фона слов, их благозвучия и красоты иероглифического начертания (см. Системы личных имен у народов мира 1989, 164–170). Ср.: кит. 德胜 'победа добра', 松林 'сосновый лес', 晓明 'рассвет', 玉兰 'магнолия'; кор. 하늘 'небо', 아름다움 'красота', 기쁨 'радость'; яп. 稻 'рис', 菊 'хризантема', 竹 'бамбук', 桃 'персик', 太郎 'старший сын' и т. п. Творческий характер наречения, очевидная харизматичность имени, его дезидеративная направленность согласуются с классической трактовкой сущности имени в «архаичном реализме»: «Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некой внутренней (глубинной) сущности или же того, что в-кладывается, на-лагается и т. п. (ср. называние, наречение новорожденного именем как отгадывание внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций)» (Топоров 1980, 508). Действительно, китайской цивилизации не был свойствен теоцентризм, вследствие которого имяназечение в европейской и других культурах подчинилось строгим религиозным канонам, – соответственно, периодизация развития русской антропонимии не может быть соотнесена с историей китайских личных имен. Этим объясняется невозможность последовательно применить в нашем сопоставлении принцип различения синхронического и диахронического подходов к языковым явлениям, столь важный для русской ономастики и лингвистики в целом.

В свете сказанного обнаружение сходных черт в сопоставляемом русскоязычном и китайскоязычном антропонимическом материале представляется особенно интересным и ценным.

В силу особенностей архаичного (мифологического) мышления имя изначально воспринималось – и рефлексы этого обнаруживаются по сей день на сознательном и бессознательном уровнях (см. Лотман, Успенский 1992) – как фактор воздействия на характер, благополучие, судьбу человека. Эта ментальная черта находит выражение в том, что принято называть харизматической функцией имени. В антропонимических системах всего мира распространены два типа имен, реализующих эту функцию: деизидеративные (пожелательные) и апотропеические (охранные, призванные отвратить «злые силы» от новорожденного), причем если вторые принадлежат истории личного именования (их рефлексы, как правило, закреплены в фамилиях), то первые актуальны по сей день.

Примерами русских имен-деизидеративов являются общевосточнославянские по происхождению номинации, возникшие в дохристианский период, когда свобода выбора мотивирующих лексем для личного именования была практически неограниченной, и перешедшие позднее под давлением христианизации в прозвищные имена. В «Словаре древнерусских личных имен» Н. М. Тупикова такие антропонимы фиксируются главным образом как прозвищные элементы многокомпонентных номинаций лиц в документах старорусского периода (см. Тупиков 1903). В этих именах зафиксировано многообразие семантических моделей, «программирующих» положительные качества и благоприятные обстоятельства жизни новорожденного (примеры приводим в современном графическом оформлении): *Бажень, Воля, Дужий, Красава, Ладной, Милава, Надей, Надежа, Сила, Хитрой, Умной, Щасной* и под. В словаре собраны целые парадигмы имен, деривационно и фонетически варьирующих основы с положительной семантикой: *Добро, Доброй, Добря, Добрыня, Добрило, Добрава; Люб, Любим, Любо, Любовко, Любава; Хорош, Хороший, Хорошко, Хороско*. Ср. односложные китайские имена-пожелания 祥 [xiang] 'добро', 福 [fu] 'счастье', 吉 [ji] 'благоприятствование', 顺 [shun] 'благополучие', 和 [he] 'добродушие' (см. 中国人名大辞典 2003). Среди китайских имен, реализующих деизидеративный принцип номинации, актуальный для современного антропонимического конструирования, доминируют двусложные (как и среди личных имен в целом): 富强 [fuqiang] 'богатый' + 'сильный', 永昌 [yongchang] 'вечный' + 'цветение', 硕慧 [shuohui] 'огромный' + 'мудрость', 优越 [youyue] 'превосходный' + 'первый', 天进 [tianjin] 'небо' + 'идти вперед', 敏学 [minxue] 'понятливый' + 'наука', 正义 [zhengyi] 'правильный' + 'справедливость', 博文 [bowen] 'обладать обширными знаниями' + 'письменность', 天学 [tianxue] 'небо' + 'наука'. Помимо таких общечеловеческих ценностей, как благосостояние, ум и здоровье, возложение надежд на новорожденного во внутренней форме китайских имен отражает также категории китайской философии и ценности традиционной культуры: 石静 [shijing] 'камень' + 'тихий' (имя символизирует твердость духа и спокойствие), 屈腾 [quteng] 'сгибаться, сжиматься' + 'мчаться' (символизирует умение сдерживать себя или быть активным в зависимости от обстоятельств), 礼孝 [lixiao] 'ритуал' + 'сыновняя почтительность', 学谦 [xueqian] 'наука' + 'скромный' и др. (примеры взяты из работы Лю Чэньси (см. 刘晨曦 2006).

Привлекает внимание русско-китайская антропонимическая параллель, связанная с именами-компонитами, включающими компонент 'слава'. Имена типа *Ростислав, Ярослав, Владислав, Святослав, Мстислав, Изяслав, Богуслав, Переяслав* и под., имеющие аналоги в германских и других языках, относятся, как известно, к дохристианским, имевшим свою «социальную специализацию» (для представителей княжеских родов). Идея славы в их внутренней форме сопрягается с иными понятиями: 'возрастать славу', 'владеть славой', 'изымать (брать силой) славу', 'мстить (защищать) славу' и т. д. Среди аналогичных китайских личных имен также отмечаются сложные единицы, включающие иероглифы 荣, 誉 и 辉 со значением 'слава'. Ср. имена, которые ярко демонстрируют сходство моделей личного именования в русском и китайском языках: 争荣 'стремление к славе', 向荣 'мечта о славе', 建荣 'создание славы', 卫荣 'защита славы', 圣荣 'святая слава', 弘誉 'воспевание славы', 烨华 'славить Китай' (см. Ван Юйхун 2011).

Если приведенные выше имена прямо выражают интенции нарекающего, то имена, обусловленные представлениями о взаимоотношении человека и мира природы, сообщают о них косвенно. Таковы метафорические по происхождению териоморфные, фитоморфные и натуроморфные имена, которые обнаруживаются в подавляющем большинстве культур и призваны перенести на человека полезные для жизни качества, присущие животным и растениям, а также феноменам неживой природы и артефактам: *Баран, Блоха, Бык, Вепрь, Волк, Ворон, Голубь, Горностай, Ерш, Жаба, Жаворонок, Жук, Конь (Батьков конь), Корова, Кот, Кошка, Кобель, Кобыла, Лебедь, Медведь, Петух, Собака, Соловей, Сова, Сокол, Сорока, Сука, Тур, Филлин; Береза, Елка, Жолудь, Заяц, Капуста, Крапива, Репа, Цыбуля, Ячмень; Камень, Мороз, Топор*. Подобные имена также группируются в парадигмы: *Жеребец, Жеребко, Жеребило, Жеребий; Железо(а), Железка, Железное копыто*. Наречение подобными именами у славян было когда-то вербальным элементом единого семиотического кода в магическом ритуале, синонимом других его элементов – предметного и акционального (см. Толстой 1991, 10–11). Эти личные номинации закрепились в русской антропонимической системе, перейдя в иное качество, – как исторические мотиваторы фамилий: *Медведев, Волков, Собакин, Рыбин, Орлов, Голубев, Березин, Дубов, Коренев*. В древней китайской культуре представители флоры и фауны также символизировали те или иные качества, выступая эталоном силы, мудрости, ловкости или, наоборот, слабости, уродства, глупости.

* Здесь и далее транскрипция и семантизация китайских личных имен выполнены госпожой Ван Юйхун, магистром филологии, преподавателем китайского языка, аспиранткой кафедры русского языка БГУ.

Ср. личные имена, связанные с животными: 龙 [long] 'дракон', 虎 [hu] 'тигр', 牛 [niu] 'бык', 林 [lin] 'лес', 松 [song] 'сосна', 柳 [liu] 'ива', 花 [hua] 'цветок', 荷 [he] 'лотос'. Личные имена данного типа носят «двойственный характер, т. к. сочетают в себе "положительную" магию (через "призывание" свойств соответствующих животных – силы и неуязвимости волка, кротости и благородства голубя и т. д.) и "отрицательную" (обман опасности, причисление ребенка к "дикой" природе и т. п.)» (Толстой, Толстая 2000, 606), иными словами, выполняют одновременно дезидеративную и апотропеическую функции.

Если «пожелательные» имена мотивированы лексемами с более или менее явно выраженными положительными коннотациями, то имена, имеющие целью отвлечь от ребенка опасность, принизив его ценность и тем самым «обманув» враждебные силы, были, естественно, мотивированы негативно: *Беда, Безсчастный, Мертвой, Найден, Обида, Подкид, Страх, Худой, Убогой, Упырь, Черное лихо*. Ср. также словообразовательную парадигму *Дурной, Дурак, Дурень, Дурыня, Дурдыка*. Имеется внушительный ряд таких имен, реализующий словообразовательный тип с префиксом *не-*: *Некрас, Нелеп, Невзор, Невзгляд, Нелюб, Неждан, Нетребя, Ненаш, Немир, Ненадобный, Ненад, Невстрой, Неустрой, Недоброй, Нежил*. В китайском языке в состав уменьшительно-ласкательного имени ребенка часто входил слог 丑 [chou] 'урон': 大丑 [dachou] 'большой урон', 二丑 [erchou] 'второй урон', 丑蛋 [choudan] 'яйцо урона' (см. 林木 2001). По свидетельству исследователей национальных ономастиконов, в исторической антропонимии многих народов мира имеются имена с внутренней формой 'сор, мусор', отмечаются имена с не просто уничижительными, но и оскорбительными коннотациями: рус. *Песья старость*, кит. 狗剩 'остатки собачьего корма', 狗蛋 'собачье яйцо', тюрк. *Ительмес* 'и собака не возьмет', нанайск. *Полокто* 'прошлогодний собачий корм' (примеры приведены из работы В. В. Денисовой (см. Денисова 2003)), ср. также башкирские имена доисламского периода *Эттеймльц* 'собака не тронет', *Эталмац* 'собака не возьмет' (см. Раемгузина 2006).

Среди имен-оберегов у разных народов выделяется группа так называемых «останавливающих» имен, мотивированных словами с семами 'оставлять, останавливать' или 'запереть, замкнуть', общий смысл которых сводится к «оставить в живых, задержать», например славянские имена, этимологически связанные с корнем *sta- 'стоять, стать, остановиться': *Стана, Стоян, Станко, Станимир* и под. (см. Толстой, Толстая 2000, 606–607). Им соответствуют древние китайские имена, содержащие иероглифы «запирать», «замок», «щеколда»: 鎖柱 [suozhu] 'засов', 大門栓 [damenshuan] 'большие ворота на замке', 二門栓 [ermenshuan] 'внутренние ворота заперты', 三門栓 [sanmengan] 'за тремя замками', 鐵鎖 [tiexiao] 'железная щеколда' и т. д. (см. 林木 2001).

Рассмотренные модели личного именования основаны на представлениях о магических свойствах имени, в рамках которых Н. И. Толстой и С. М. Толстая различали: а) магию референциальных свойств имени, т. е. «апелляцию к известным носителям выбираемого имени с целью передачи вновь нарекаемому их качеств, их жизненной силы, их судьбы или получения их заступничества, а в случае "отрицательной" магии – с целью обмана злых сил... Само имя в подобных случаях не обладает магической силой, оно лишь отсылает к референту как магическому "прецеденту", защитнику или "образцу"» (Толстой, Толстая 2000, 606); б) собственно «ономастическую магию», когда «выбор имени определяется не свойствами референта, а "семантикой" или мифопоэтическими коннотациями самого антропонима» (Там же).

Еще одну универсалию в сфере антропонимии представляет ритуальная функция имени, которая реализуется, в частности, в именах, связанных с религией или обусловленных господствующей идеологией. Мы не будем подробно останавливаться на русских календарных именах, которые не являются исконными, а были восприняты после христианизации Руси, расколовшей антропонимию на две подсистемы. Говорить об этимологическом значении имен древнегреческого, древнееврейского и латинского происхождения можно только с точки зрения этих языков, в которых они, кстати, имели внутреннюю форму, сходную с мотивацией языческих славянских имен. Ср. соответствия типа *Добро, Доброй, Добря – Агафон* (греч. *agathon* 'благо', 'добро'); *Голова, Головач – Капитон* (лат. *capito, capitonis* 'с большой головой'); *Большой, Великой, Великан, Величко – Максим* (греч. *Maximos* от лат. *Maximus* 'величайший' – превосходная степень от *magnus* 'большой, великий'); *Камень, Каменка, Каменной – Петр* (греч. *Petros* 'камень'); *Люб, Любо, Любим – Давыд* (др.-евр. 'возлюбленный'); *Царь, Царко – Василий* (греч. *Vasilios: basileios* 'царский', 'царственный'); *Мал, Малой, Малко, Малыш, Малуша, Малюта – Павел* (лат. *Paulus: paulus* 'маленький, малый'); *Кудрявой, Кудрявец, Кудрянец, Кудря – Юлий* (лат. *Julius* – римское родовое имя: греч. *ioulos* 'кудрявый') (этимология календарных имен приводится по А. В. Суперанской (см. Суперанская 2005)*. Однако можно обнаружить китайскую аналогию и для христианских антропонимов – это личные имена, связанные с буддизмом, который стал проникать в Китай на рубеже нашей эры, когда уже давно существовали конфуцианство и даосизм, а потому воспринимался в процессе критического и творческого переосмысления (например, как видоизменившееся учение Лао цзы) (см. Китайская философия 1994). Несмотря на сложность взаимодействия общепринятых в Китае ценностей с доктринами буддизма (жизнь есть высшее благо, дарованное человеку Небом vs жизнь – цепь

* Люди, разумеется, интересуются этимологическим значением своего имени, и это даже может стать основой для выбора китайского имени при натурализации. Так, Ли Чэньчэнь проанализировал мотивы выбора китайских имен русскоговорящими на территории Китая, и одним из мотивов оказалось «совпадение значения имени», например *Анатолий* 'восточный, житель востока' – *Жичу* 'восход солнца' (см. Ли Чэньчэнь 2012).

страданий; установка на процветание прежде всего семьи, рода, культ предков vs улучшение личной кармы), последний существенно повлиял на философию и культуру Китая, отразившись, в частности, в санскритских по происхождению личных именах. Так, согласно данным Люй Шусян, значительное количество имен, записанных в официальных династийных хрониках от эпохи Цзинь до эпохи Суй, связаны с буддизмом: 菩薩 [Pusa] (ср. санскр. *Будда*), 瞿曇 [qutan] (санскр. *Гаутама*), 悉达 [xida] (*Сиддхартха*), 菩提 [puti] (*Бодхи*), 普贤 [puxian] (*Самантабhadра*), 摩诃 [mohe] (*Махаяна*), 弥陀 [Mituo] (*Амитаба*), 罗侯 [Luohou] (*Рахул*), 须达 [Xuda] (*Шудатта*), 难陀 [Nantuo] (*Наньда*) и др. (см. 吕叔湘 1988).

Рассмотрим еще одну общую для русских и китайских антропонимов группу, реализующую ритуальную функцию, – имена, отражающие в своей внутренней форме ценности господствующей идеологии, выражающие лояльность или преданность соответствующим идеалам. Так, официальное отделение церкви от государства в 1918 г. стало стимулом для лингвокреативных процессов в области именования, которые выразились в семантической и морфологической деривации, в частности аббревиации как «революционном», по С. И. Карцевскому, виде словообразования: *Авангард*, *Октябрь*, *Трактор*, *Комбайн*, *Герб*, *Гранит*, *Герой*, *Идея*, *Искра*, *Энергия*, *Баррикада*; *Ким* ‘коммунистический интернационал молодёжи’, *Трудомир*, *Красарма* ‘Красная Армия’, *Марлен* ‘Маркс + Ленин’, *Стален* ‘Сталин + Ленин’, *Ленст* ‘Ленин + Сталин’, *Октябрина*, *Ноябрина*, *Сталина*, *Мэлис* ‘Маркс + Энгельс + Ленин + Сталин’, *Вил* ‘Владимир Ильич Ленин’, *Мэлор* ← Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция (здесь и далее примеры имен-советизмов и их мотивация приводятся по В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Н. А. Петровскому (см. Мокиенко, Никитина 1998; Петровский 1980). Актуальность аббревиации для конструирования имен-меморативов объяснима стремлением повысить смысловую «емкость» антропонима, включив в него несколько ключевых для данной эпохи понятий, событий и имен. С другой стороны, «экономичность» внешней формы способствовала скорому забвению внутренней формы и, соответственно, ослаблению прагматической направленности «патриотических» имен: *Лагшмивара* ← лагерь Шмидта в Арктике, *Пятчет* ← пятилетку в четыре года, *Велира* ← великий рабочий, *Дамир* ← даешь мировую революцию. (В этом отношении характерны расхождения в толковании внутренней формы подобных имен: так, в словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной *Гласп* предположительно толкуется как ‘гласность печати’, а в словаре Н. А. Петровского – как усечение от *Главспирт*.) Православная традиция ограничивала потенциал мотивированных имен: в отличие от китайской антропонимической системы, не ощутившей на себе такого мощного иноязычного влияния, русская антропонимия потеряла основной состав исковых личных имен с ясной внутренней формой, восприняла единицы с неясной носителю русского языка этимологией, и, соответственно, имена типа *Авангард* и *Герой*, нарушающие закономерности системы, остались на ее далекой периферии.

Подобную политически маркированную номинативную стратегию реализуют китайские имена, сформировавшиеся после образования КНР и позднее, в годы «культурной революции», которые, так же как и советизмы, имели ограниченный историческими условиями период существования: *建国* [jianguo] ‘образование КНР’, *解放* [jiefang] ‘освобождение’, *卫国* [weiguó] ‘защищать Родину’, *卫华* [weihua] ‘защищать Китай’, *卫东* [weidong] ‘защищать Мао Цзэдуна’, *援朝* [yuanchao] ‘оказать поддержку Кореи’, *跃进* [yuejin] ‘большой скачок’, *跃华* [yuehua] ‘скачок в развитии Китая’, *文革* [wenge] ‘культурная революция’, *卫红* [weihong] ‘красный боец’ и др. В отличие от советизмов ряд имен данной тематической группы, отражающих «вечные» ценности, актуален и в настоящее время: *爱华* [aihua] ‘любить Китай’, *爱国* [aiguo] ‘любить страну’, *爱民* [aimin] ‘любить народ’, *振国* [zhenguo] ‘порядок в стране’, *国福* [guofu] ‘счастливая страна’ (см. 林本 2001; Ван Юйхун 2014).

Как видим, основные стратегии антропонимического конструирования стоят «над» собственно лингвистическими категориями (хотя и обеспечиваются ими формально) и даже над категориями национально-культурными, согласуясь в первую очередь с общечеловеческими закономерностями: видением своего места в мире, стремлением выразить посредством имятворчества желания и страхи, продемонстрировать приверженность идеалам. Обнаруживаемые совпадения, вплоть до конкретных мотиваторов, в именовании человека в столь далеких типологически языках, как русский и китайский, воспринимаются нами не только как интересные факты специальной научной дисциплины, но и как ценность общегуманитарного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Ван Юйхун. Компонент *слава* в русских и китайских именах // Язык и социум : сб. материалов IX Междунар. науч. конф. (Минск, 3–4 дек. 2010 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. Л. Ф. Гербик. Минск, 2011. Ч. 2. С. 46–50.
- Ван Юйхун. Традиции и модели личного именования как отражение культурных ценностей (на материале русского и китайского языков) // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2014. № 1 (68). С. 14–23.
- Денисова В. В. Ономастические универсалии: экстралингвистический аспект: На материале антропонимии монгольских языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. Улан-Удэ, 2003.
- Китайская философия. Энциклопедический словарь *中国哲学* / под ред. М. Л. Титаренко. М., 1994.
- Ли Чэньчэнь. К вопросу выбора имени вторичной номинации (китайцами на территории Иркутска и русскими на территории Китая) // Вестн. НИИРГТУ. 2011. № 3 (50). С. 247–252.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 59–75.

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1980.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
- Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования). Уфа, 2006.
- Ратникова И. Э. Сопоставительно-типологические описания языков в контексте белорусско-китайских научных контактов // Русистика в Беларуси (Вестник БООПРЯЛ). 2001. № 2. С. 42–46.
- Системы личных имен у народов мира. М., 1989.
- Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика : сб. науч. тр. М., 1972. С. 346–356.
- Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.
- Толстой Н. И. Язык и культура: (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке : сб. ст. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 597–624.
- Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 508–510.
- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Хамаева Е. А. К вопросу об определении границ между именами собственными и именами нарицательными // Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami : materiały VII międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji (Przemyśl, 7–15 listopada 2011). 2011. Vol. 33 : Filologiczne nauki. Przemyśl, 2011. С. 59–64.
- 中国人名大辞典, 北京, 商务印书馆, 2003 (Большой словарь китайских личных имен. Пекин, 2003).
- 刘晨曦. 二十一世纪初大学生人名研究. 太原师范学院学报, 2006. 年9月 第5卷第5期. 38–41页 (Лю Чэньси. Исследование имен студентов начала XXI в. // Вестн. Тэйюаньского пед. ун-та. Тэйюань, 2006. Вып. 5. С. 38–41).
- 林木. 中国起名改名实用全书. 中国商业出版社, 北京, 2001. 年第 (Линь М. у. Антология ономастики (выбора и употребления имени) в Китае. Пекин, 2001).
- 吕叔湘. 中国语文, 北京, 1988. 第4期. 241–246 页 (Люй Шусянь. Китайские имена, связанные с буддизмом, в эпоху династий Вэйцзинь и Нанпэй // Язык и литература Китая. Пекин, 1988. Вып. 4. С. 241–246).

Поступила в редакцию 31.01.2014.

Ирина Энгелевна Ратникова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.